

УДК 821.161.1.09-31+929Слаповский

Мотив страха в повести А. Слаповского «Закодированный, или Восемь первых глав»

А. А. Сальковская

Сальковская Анастасия Алексеевна, аспирант кафедры общего литературоведения и журналистики, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, anastazi_s@mail.ru

В статье анализируется мотив страха в повести Алексея Слаповского «Закодированный». Этот мотив пронизывает все произведение и фактически становится ключевым для развития сюжета. Рассмотрена борьба с подсознательными страхами не только героя, но и самого автора. Следствием этой борьбы является многократное переписывание одной и той же истории.

Ключевые слова: Слаповский, постмодернизм, неореализм, мотив страха, автор и читатель.

The Motive of Fear in A. Slapovsky's Novel *Encoded, or The First Eight Chapters*

A. A. Salkovskaya

Anastasia A. Salkovskaya, <https://orcid.org/0000-0002-0938-9580>, Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia, anastazi_s@mail.ru

The article analyzes the motive of fear in Aleksey Slapovsky's novel *Encoded*. This motive permeates the whole novel and essentially becomes the key one for the plot development. The struggle with the subconscious fears of the character and of the author is considered. This struggle results in a multiple re-writing of the selfsame story.

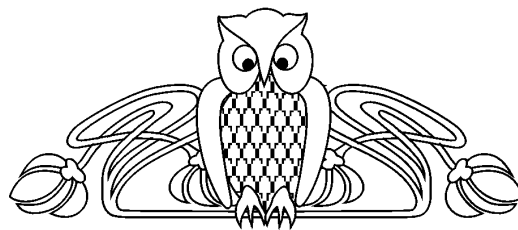
Keywords: Slapovsky, postmodernism, neorealism, motive of fear, author and reader.

DOI: <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2019-19-2-234-236>

Начало XX века – расцвет постмодернистской литературы, и повесть Алексея Слаповского «Закодированный, или Восемь первых глав» («Волга», 1993, № 1) – одно из самых ярких произведений этого направления.

Вместе с этим в повести уже наблюдает переход к неореализму – автор относится к своим героям с состраданием и пониманием, а ситуации, в которых они оказываются, вызывают у читателя сочувственную улыбку. Но добрая усмешка часто граничит с иронией и сарказмом. Такой переход, смешиение критик Карен Степанян назвал «развитым постмодернизмом»¹.

Использование чувства страха, чтобы добиться большего отклика у читателей, буквально паразитирование на нем отличает произведения постмодернизма. Страх в неореализме – скорее естественное состояние человека, его реакция на окружающую действительность, внешние раздра-

жители. В данной статье попробуем разобраться, как реализуется мотив страха в повести Алексея Слаповского.

«Вот Слаповский, который способен на всё», – так критик Андрей Василевский озаглавил свою статью о трех произведениях саратовского автора – романе «Первое второе пришествие» и повестях «Пыльная зима» и «Закодированный». В статье А. Василевский рассуждает о способности писателя играть со стилями, в частности, говоря о повести «Закодированный», он пишет, что каждая из «восьми первых глав» «выдержана в своём стиле. Это Слаповский умеет»².

Разные на первый взгляд части объединены сразу несколькими элементами. Во-первых, закодированность – сквозная тема повести. Она довлечет не только над героями, но и над самим автором, над читателями. Во-вторых – главный герой. Его зовут по-разному: то он Непрядвин, то Прядвин, а то и вовсе безымян, однако ясно, что это один и тот же человек, каждый раз волей автора наделенный иной судьбой. И в-третьих – важным объединяющим все восемь первых глав элементом является мотив страха.

Хотя ключевой элемент текста – именно запрограммированность, закодированность, здесь их синонимом выступает страх. Карен Степанян называет «Закодированного», наряду с романом А. Слаповского «Я – не я», наиболее убедительными примерами взаимозависимости «мир как абсурд – исчезновение (или бесконечная вариативность) личности»³. Именно это исчезновение личности, ее «несуществование» пугает и персонажей, и читателей. «Множественность и призрачность реальности, гиперреальность симулякров ставят под сомнение само существование мира и человека в нём, когда нет чёткой границы и уверенности, что есть настоящая жизнь и есть ли она?»⁴ – пишет исследователь русской литературы Полина Золина.

В психологии считается, что человек, думая о смерти, боится в том числе «отсутствия реальности»⁵. Именно в небытии и оказывается главный герой Непрядвин. Он теряет прежде всего себя, теряет ощущение реальности происходящих событий. Он замысливает убийство (в четвертой первой главе), совершает его и скрывается от следователей – и все это происходит в его сознании. Он решает расквитаться с гипнотизером, закодировавшим его, но реальность оказывается для героя еще ужаснее – экстрасенс умирает сам,

из-за чего у Непрядвина больше нет пути назад, он навсегда останется закодированным, ужасно жelaющим выпить и так же ужасно боящимся этого.

Страх врывается в повесть с первых строчек. Сюжет произведения нелинейный – в первой главе описывается середина жизни героя, Непрядвин уже закодирован, и мы сразу сталкиваемся с его тревогами. Точнее, тревожное состояние будто пропущено, нет нагнетания страха, он врывается в повесть как человек, на полном ходу вбегающий в закрывающиеся двери трамвая, как преступник, убегающий от погони. Таким и описывается Непрядвин: «... бежит, что есть мочи, тут же сзади – милицейские свистки, топот ног, улюлюканье, он бежит, бежит, а погоня не отстает, он сворачивает за угол, влетает в какой-то темный подъезд, прячется за дверью...»⁶

И пусть самого слова «страх» здесь нет, но уже в первом предложении, которое больше похоже на поток сознания, мы ощущаем опасность, ужас. Эта тревога поддерживается семантическим рядом, словами, которые обычно и связаны с опасностью: «бежит, что есть мочи», «погоня не отстает», «прячется за дверью». Страх порождается действием, хотя герою погоня только снится. Тревога не отступает, и кажется, что только пробуждение может спасти Непрядвина, но реальность еще страшнее.

Закодированный Непрядвин живет с убеждением, что умрет, даже если глоток алкоголя попадет в его организм. В своем страхе он доходит до того, что перестает обедать в кафе (боится, что официантка подмешает ему что-то в компот), не пьет сок (вдруг градус появится и в забродившем соке). Это наваждение не отпускает героя, автор заключил состояние Непрядвина одной мыслью, которая пронизывает весь текст: «И – страх перед возможным страхом, а потом и сам страх, ежедневный, неотвязный» (403).

Весь текст пронизан ощущением смятения и тревоги: «и звук почудился какой-то странный», «ненатуральной кажется его простота», «все противно, все гадко». Все вместе это делает повесть напряженной, недосказанной. Ироничные отступления, шутки героев выглядят не органично, а вымученно, надуманно, искусственно: «Хороший способ самоубийства, выпил – и помер!» (402), «острая сердечная недостаточность по причине перепуга» (404). Именно смерть становится в повести поводом для шуток, словно бы герои смеются ей в лицо, тем самым отгоняя страх.

Но чего в действительности боится Непрядвин? Снова уйти в запой? Умереть? «Но есть и нечто другое, гораздо, может быть, страшнее и серьезнее...» (404). Непрядвин боится того, по чьей воле он живет. Ему кажется, что все в его жизни происходит по наитию того самого гипнотизера Маргиша. Утрата контроля над собственной жизнью и порождает практически животный страх, который сводит его с ума. Однако эта мнимая ведомость становится не чем иным, как попыт-

кой уйти от реальности, желанием переложить ответственность за свою жизнь на чужие плечи.

Но страх внутри рождает новый страх, точнее, желание напугать, навести ужас на других людей. Отсюда и желание Непрядвина-Прядвина напасть, покалечить, убить. Сначала он хватается ни в чем не повинную проводницу, затем осознает свое желание убить гипнотизера, готовит целый план убийства своего попутчика – актера Николая Мухайло, а затем гипнотизера Маргиша и в конце концов пытается совершить самоубийство, выпив водки. Более того, это желание убить – страшное: «... ему дико, *страшно* захотелось ударить по этому прибору...» (450). Это «страшно» – не просто синоним слова «сильно», в нем заключается и весь ужас поступка, и трепет перед самой мыслью, и бессилие Непрядвина перед этим желанием.

Преодоление страха оказывается возможным лишь в шестой главе, и то – только благодаря мнимому «переселению душ». Герой – на этот раз пациент психиатрической больницы – думает, что в него вселяется умершая старушка. Он всячески сопротивляется этому, *боится* потерять себя, но поддавшись, персонаж понимает – страха нет, «ужаса нет». Это один из вариантов преодоления страха по Слаповскому – поддаться страху, принять его, а значит, смириться с ним.

Но такое смирение – поступок человека слабого, безвольного. Такого, каким и был Непрядвин все это время – человеком, которым движет чужая воля, который отрицает собственные поступки, который боится сделать шаг. Истинное избавление от страха мы видим в седьмой главе, заключающей историю Непрядвина, или, как его называет Николай Мухайло (седьмая глава – воспоминания актера) – Непрядвина. Это преодоление страха связано именно с поступком, с решением, которое само по себе пугает.

Непрядвин отваживается выпить, зная, что может умереть. Он преодолевает самый большой свой страх – страх смерти. И он освобождается. Только свобода для него становится капканом для других. Для закодированного актера Н., поддавшегося на уговоры Непрядвина выпить, она оборачивается смертью, а Николая Мухайло загоняет в кабалу – он перестает выходить из квартиры, ему мерещатся вокруг инопланетяне. Можно было бы списать это на алкоголизм, а выпивкой, безусловно, актер злоупотребляет, однако его поведение до боли напоминает нам поведение Непрядвина, который когда-то так же пытался убежать от мира и себя. Однако есть между ними важное отличие: если страх Непрядвина – деятельный, заставляющий его срываться с места, то это же чувство заставляет Мухайло запереться у себя дома.

Вся повесть – о борьбе героя с самим собой, с собственными страхами и собственным подсознанием. Автор подытоживает семь глав в «Восьмой первой главе» собственным стихотворением: «А когда придет невермор, <...> Я скажу тогда палачу, что подохнуть пока не хочу. // Он от радости

спляшет и веревки развяжет, и вприпрыжку я поскачу, как новый неизвестно куда» (507–508). Непрядвин просто встретился со своим страхом, «и – ушел, исчез, испарился» (504).

Нелинейный сюжет повести не предполагает «нарастания» страха, все-таки уровень этого чувства постоянно меняется. Персонажи ощущают и смутную тревогу, и настоящий ужас. Но страх – удел не только персонажей повести. Он распространяется также на автора и на читателей. Ирреальность происходящего в повести доходит до того, что даже автор спрашивает себя: «...не закодирован ли я сам» (419)? И этот риторический вопрос заставляет задуматься и читателей: а не закодированы ли и мы, что заставило нас взять в руки книгу?

Как и персонажи повести, автор боится самого себя, точнее, того, что в нем закодировано, – весь текст, который он пишет. Этот страх заставляет его (как сам писатель признается во второй главе) переписывать повесть снова и снова. Автор ощущает страх постоянный и неизменный. Он, как носитель «высшего» знания, как создатель и «хроникер», постоянно находится в страхе воспоминаний, изливает их на страницы повести. У читателей же страх – почти физиологический. Жалость, которую вызывает закодированный Непрядвин, тут же граничит с почти физическим отвращением к Непрядвину-алкоголику.

Подобный выход страха за пределы сюжета, по мнению П. Золиной, отличает русский постмодернизм – один «из самых страшных, бескомпромиссных и мрачных в мировой литературе»⁷. Она пишет: «В постмодернизме тенденция вытеснения страха за границы текста и перемещение его в пространство реципиента будет только усиливаться»⁸. Однако с точки зрения реализации мотива страха повесть тяготеет к произведениям неореалистической традиции, где страх побуждает героев уйти от реальности.

Страх в повести выступает определяющим началом, он преследует героев извне, караулит их в самых темных уголках подсознания, он сводит с

ума и заставляет очнуться от жутких сновидений. Ведомые страхом персонажи порой готовы совершить немислимые деяния вплоть до убийства, но этот же страх заставляет их остановиться. Он живет и умирает в подсознании героев, однако успев при этом вскрыть все потаенные мысли, желания, опасения. Прочитав повесть, понимаешь – действительно, «сон разума рождает чудовищ»: «Он будто приоткрыл дверь куда-то, где увидел скопища разнообразных чудовищ, испугался детским страхом и закрыл дверь, и внятно об увиденном ничего рассказать не может, твердит только одно слово: страшно, брат, страшно! Но то, что он видел, отпечаталось навечно на сетчатке его глаз, оно будет сниться ему в непонятных снах, и, значит, моя задача – растолковать эти сны, я ведь и сам их видел. И в дверь ту самую заглядывал. И это – правда – страшно» (420–421). Автор видит этот страх так же, как и герои, он отважился посмотреть в глаза страху и потому написал эту повесть – об обыкновенном человеке.

Примечания

- 1 См.: Степанян К. Назову себя Цвайшпацирен? (Любовь, ирония и проза развитого постмодернизма) // Знамя. 1993. № 11. С. 184–194.
- 2 Василевский А. Вот Слаповский, который способен на всё // Новый мир. 1994. № 7. С. 222.
- 3 Степанян К. Указ. соч. С. 191.
- 4 Zolina P. Феномен страха в русской литературе : disertační práce mgr. Brno, 2015. С. 161. URL: https://is.muni.cz/th/362978/ff_d/Fenomen_strachu_v_ruske_literature_Disertace.pdf (дата обращения: 29.05.2018).
- 5 Литвинова О. Страх смерти и как его преодолеть // Психологос. Энциклопедия практической психологии. URL: <http://www.psychologos.ru/articles/view/strah-smerti-i-kak-ego-preodolet> (дата обращения: 29.05.2018).
- 6 Слаповский А. Закодированный : роман, повести. М., 2010. С. 395. Далее текст цитируется по этому изданию с указанием страниц в скобках.
- 7 Zolina P. Указ. соч.
- 8 Там же.

Образец для цитирования:

Сальковская А. А. Мотив страха в повести А. Слаповского «Закодированный, или Восемь первых глав» // Изв. Сарат. ун-та. Нов. сер. Сер. Филология. Журналистика. 2019. Т. 19, вып. 2. С. 234–236. DOI: <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2019-19-2-234-236>

Cite this article as:

Salkovskaya A. A. The Motive of Fear in A. Slapovsky's Novel *Encoded, or The First Eight Chapters*. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Philology. Journalism*, 2019, vol. 19, iss. 2, pp. 234–236 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2019-19-2-234-236>
